

АРТЕМ ОНОПРИЕНКО



КОНТРАКТ  
С ХАОСОМ

КНИГА ПЕРВАЯ

Арте́м Оноприе́нко

**КОНТРАКТ С ХАОСОМ**

«Автор»

2026

**Оноприенко А.**

**КОНТРАКТ С ХАОСОМ / А. Оноприенко — «Автор», 2026**

Элис Вайн — лучший разрыватель контрактов в Гильдии Магов: там, где другие видят непробиваемую стену пунктов, она видит дверь. Но ни одна лазейка не подготовила её к делу, которое легло на её стол, — артефакту из Серой Зоны, оказавшемуся Клеткой с одним из Семи Древних Богов. Одна капля крови, один нечётко прописанный пункт — и «Бог Разрушения» Азрэль свободен, привязанный к Элис контрактом четвёртого уровня: десять метров расстояния, эмоции пополам, одно сердцебиение на двоих. Теперь за ними охотится Инквизиция, Лорд Кассий знает о матери Элис больше, чем признаётся, а барьеры, отделяющие мир от Пустоты, трещат по швам. Чтобы выжить, Элис должна сделать то, что умеет лучше всех: доказать, что Первый Контракт, на котором держится весь мир, подписан с подлогом. А значит — недействителен.

© Оноприенко А., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ГЛАВА 1                           | 5  |
| ГЛАВА 2                           | 14 |
| ГЛАВА 3                           | 20 |
| ГЛАВА 4                           | 25 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 26 |

# Артем Оноприенко

## КОНТРАКТ С ХАОСОМ

### ГЛАВА 1

#### КОНТРАКТ НА РАЗРЫВ

Зал судебных разбирательств Гильдии Юристов пах чернилами, разогретым воском и чужим страхом — тремя запахами, которые Элис Вайн научилась безошибочно различать за три года практики, потому что чернила говорили о контракте, составленном давно и не подлежащем пересмотру, воск свидетельствовал о деле, тянущемся не первый месяц, со свечами, меняемыми в канделябрах раз двадцать, а страх служил верным признаком того, что кто-то в этом зале сейчас проиграет, и сегодня этим кем-то была женщина на скамье истцов, от которой тянуло стиральным мылом и чем-то кислым, что Элис давно научилась идентифицировать как запах долго сдерживаемой паники.

Элис стояла за кафедрой защиты, машинально поправляя очки указательным пальцем — жест, который она давно перестала контролировать, — и смотрела на демона, развалившегося на противоположной скамье с той развязной уверенностью, какая бывает только у существ, абсолютно убеждённых в собственной безнаказанности: Грасс, контрактор третьего круга, чешуйчатая кожа цвета старой меди, рога, зачёсанные назад на манер столичного франта, и глаза, в которых тлел вечный, ненасытный голод, те самые глаза хищника, который давно понял, что закон на его стороне, потому что закон написан теми, у кого есть деньги на хорошие чернила и хороших юристов.

— Пункт три, раздел семь, — Грасс развернул перед судьёй пергамент, и буквы на нём зашевелились, словно живые, потому что контракт был написан кровью, а кровяные чернила всегда вели себя именно так, реагируя на присутствие магии в зале, и Элис заметила, как вдова на скамье истцов вздрогнула, когда пергамент коснулся полированной поверхности стола, и металлический привкус крови достиг даже задних рядов, ибо Элис почувствовала его на языке, как если бы сама прикусила губу. — Моя клиентка подписала соглашение о защите дома, дома, ваша честь, а не отдельной комнаты и не угла, и всё имущество семьи Веллер подпадает под действие данного контракта, включая наследство и, разумеется, включая детей.

Женщина на скамье побледнела настолько, что стала почти прозрачной, и её руки, сжатые в кулаки на коленях, побелели до синевы на костяшках, и Элис знала этот жест белых костяшек и молчаливого ожидания приговора, потому что видела его у своей матери за неделю до того, как мать стала Пустой, и с тех пор этот образ преследовал её, всплывая каждый раз, когда она смотрела на людей, которые уже проиграли, но ещё не знали об этом: вдова, трое детей, дом, который покойный муж строил двадцать лет, кирпич за кирпичом, сезон за сезоном, вкладывая в каждый камень часть своей жизни.

Судья-арбитр, старый маг с руной правосудия, вытатуированной на лбу фиолетовыми чернилами, повернулся к Элис, и руна его пульсировала тусклым светом, что означало: он уже провёл первичный анализ контракта и не нашёл оснований для немедленного отклонения, что само по себе было плохим знаком.

— Мисс Вайн, какова ваша позиция? — произнёс арбитр голосом, в котором усталость тридцати лет службы смешивалась с формальной вежливостью.

Элис встала, и её пиджак — чёрный, с серебряными рунами на рукавах, которые тускло поблёскивали в свете магических ламп, — сидел на ней безупречно, потому что пиджак был её бронёй, и без брони она в этом зале не появлялась никогда, а волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались тёмные пряди, но на причёску ей было решительно пле-

вать, поскольку причёска — это роскошь для тех, у кого нет сорока четырёх дел в очереди и одного демона, который прямо сейчас пытается отнять у вдовы дом и детей.

— Ваша честь, — начала она ровным голосом, негромким и не тихим, выверенным с точностью хирургического скальпеля, — контракт моего оппонента безупречен в формулировках, и пункт три, раздел семь действительно охватывает всё имущество семьи Веллер без исключения.

Грасс улыбнулся шире, обнажив ряд острых, чуть желтоватых зубов, а вдова сжала руки ещё крепче, и Элис почувствовала, как по залу прокатилась волна зрительского облегчения — не её облегчения, конечно, а облегчения публики, которая уже решила, что дело проиграно, и приготовилась наблюдать за очередной маленькой трагедией, и Элис любила этот момент больше всего на свете, момент, когда все вокруг думают, что она проиграла.

— Однако, — она выдержала паузу ровно в две секунды, не больше и не меньше, — пункт три, раздел восемь данного контракта не содержит временных рамок.

Тишина в зале повисла абсолютная, такая, что Элис слышала, как потрескивает воск в канделябрах и как где-то в дальнем ряду кто-то сглотнул, а Грасс перестал улыбаться, и его чешуя потемнела на полтона — верный признак того, что демон наконец понял: что-то пошло не так.

— Согласно Кодексу Ковенанта, статья двенадцать, раздел четыре, — продолжила Элис, по-прежнему не повышая голоса, потому что ей не нужно было его повышать, правда и так звучала достаточно громко, — контракт без указания срока действия является недействительным, не оспоримым, не частично недействительным, а недействительным полностью, с самого момента подписания.

Она произнесла это так, как произносят приговор, не торжествуя, не радуясь, а просто констатируя факт, потому что контракт был мёртв, мёртв с того самого момента, как Грасс поставил на нём последнюю подпись, и он просто не знал об этом, а Элис знала всегда, потому что читала каждый пункт, каждую запятую, каждый пробел между строк, потому что лазейка — это не ошибка составителя, а дверь, которую кто-то когда-то забыл запереть.

Грасс дёрнулся так резко, что его когти процарапали бороздки на деревянной скамье, и прошипел что-то о технической ошибке, о том, что один пункт не может аннулировать весь контракт, что суд может пойти навстречу, но Элис даже не стала его дослушивать.

— Суд не может пойти навстречу, — сказала она, повернувшись к арбитру. — Статья двенадцать не предусматривает исключений, потому что контракт без срока — это контракт без цены, а контракт без цены — это пустой пергамент, следовательно, иск отклоняется, контракт аннулируется, семья Веллер свободна от обязательств.

Арбитр смотрел на пергамент долго, его руна на лбу пульсировала, проверяя, считывая, взвешивая каждое слово, и Элис не нервничала, потому что знала: она права, она всегда знала, и это было одновременно и даром, и проклятием — знать, что ты права, и не иметь возможности исправить все остальные контракты в мире, по которым люди теряли дома, детей, жизни, не потому что не хотели сопротивляться, а потому что не умели читать между строк.

Арбитр кивнул с той усталой медлительностью человека, который видел сотни таких побед и понимал, чего стоит каждая из них, и произнёс формулу, ради которой Элис сегодня встала в шесть утра: иск отклонён, контракт аннулирован, следующее дело.

Грасс встал, и его стул заскрипел по каменному полу так, словно кто-то закричал, и он смотрел на Элис с выражением, которое она видела слишком часто за годы работы, не яростью, нет, а холодным, методичным напоминанием, когда существо добавляло её лицо, её имя и её голос в свой внутренний список тех, кому когда-нибудь придётся заплатить, и Элис мысленно добавила его в свой собственный список, тех, кого следовало опасаться, но не слишком, потому что бояться всех подряд — значит не успевать работать.

— Мисс Вайн, — прошипел он, проходя мимо, и от его дыхания пахло серой, — мы ещё встретимся.

— Надеюсь, не в суде, — ответила Элис, укладывая бумаги в папку. — У меня обед через час, и я не намерена его пропускать.

Грасс хлопнул дверью, и вдова бросилась к Элис со слезами, благодарностями и дрожащими руками, которые хватили её за локоть и не отпускали, и Элис позволила обнять себя на три секунды, не больше, потому что дольше означало начать чувствовать, а чувствовать в этой профессии значило тонуть, и у неё не было времени тонуть, у неё было ещё сорок три дела в очереди.

— Не благодарите, это моя работа, — сказала она, мягко отстраняясь. — Идите домой, обнимите детей и никогда, слышите, никогда не подписывайте контракт без юриста, даже если демон предлагает бесплатную консультацию.

Вдова ушла, утирая слёзы рукавом, а Элис собрала оставшиеся бумаги, сложила их в папку и выдохнула, глядя на свои руки, которые не дрожали, и это было хорошо, значит, она ещё держалась, значит, сорок три дела её не сломают, по крайней мере, не сегодня.

Она вышла из зала в коридор, который гудел, как растревоженный улей: маги в мантиях спешили мимо, прижимая к груди свитки, клерки сновали со стопками пергамента, а демоны-контракторы в дорогих деловых костюмах обменивались визитками у колонн, и весь этот мир состоял из сделок, из контрактов, из пунктов и статей, из подписей и печатей, из чернил и крови, всё было задокументировано, зафиксировано, подшито в архивы, и Элис шла по этому миру быстро, отстукивая каблуками по мраморному полу, к своему кабинету семьсот двенадцать на седьмом этаже.

Кабинет был именно таким, каким она его оставила утром: стол, заваленный папками, окно на восток с видом на Башню Гильдии, и Пункт Четыре — рыжий кот неопределённой породы, который спал на единственном свободном углу стола с тем презрением ко всему живому, которое обычно свойственно только верховным магам и очень старым кошкам.

Элис бросила папку на стол, и Пункт Четыре открыл один жёлтый глаз, мяукнул осуждающе и снова закрыл, давая понять, что он в курсе всех её побед и поражений и ни то, ни другое его не впечатляет.

— Не начинай, — сказала Элис, наливая себе кофе из жестяного чайника, холодный, вчерашний, с плёнкой на поверхности. — У меня сорок три дела в очереди и ни малейшего желания обсуждать твои обиды.

Кот зевнул, показав розовый язык и острые молочные зубы, перевернулся на другой бок и демонстративно повернулся к ней хвостом.

Элис выпила кофе залпом, поморщилась, кофе был отвратительный, как и всегда, и только успела открыть первую папку, как дверь её кабинета открылась без стука, и в проёме сгустилась тень, от которой температура в комнате упала на пару градусов.

Лорд Кассий стоял на пороге — высокий, седой, безупречно одетый в тёмно-серый костюм, застёгнутый на все пуговицы, и в неизменных чёрных перчатках на руках, которые он не снимал никогда, ни зимой, ни летом, ни в своём кабинете, ни в чужом, и никто в Гильдии за все годы её работы так и не выяснил почему, а Элис знала о нём три вещи: он был лучшим юристом в истории Ковенанта, он никогда не повышал голос, и он никогда не снимал перчатки, всё остальное было тайной, которую Кассий хранил так же тщательно, как Гильдия хранила свои архивы.

— Мисс Вайн, — его голос был ровным, вежливым и тихим, голос человека, которому не нужно было повышать тон, потому что его тихий голос резал точнее любого крика. — У меня для вас новое задание.

Элис не подняла головы, продолжая смотреть в папку, хотя её пальцы на краю стола чуть сжались, потому что Кассий никогда не приходил к подчинённым лично, он отправлял клерков,

секретарей, магических вестников, и лично он появлялся только тогда, когда дело было из тех, о которых не пишут в официальных отчётах.

— Я занята, Лорд Кассий, потому что сорок три дела всё ещё ждут меня в очереди.

— Это важнее сорока трёх дел.

Элис сняла очки, протёрла их краем рукава и надела обратно — жест перезагрузки, жест «я слушаю, но мне это решительно не нравится», который Кассий, конечно, считывал так же хорошо, как она считывала его паузы.

— Садитесь, Лорд Кассий, — предложила она, хотя заранее знала, что он не примет приглашение.

Кассий, разумеется, не сел: он подошёл к её столу и положил перед ней тонкую папку, не пергаментную, а бумажную, белую, гладкую, без рун, без печатей и без водяных знаков, и Элис не видела такой бумаги ни разу в жизни, потому что в Гильдии пользовались пергаментом, хранящим магическую подпись, а бумага была для тех, кто не хочет оставлять следов.

— Нижний Ковенант, — сказал Кассий. — Серая Зона, мошенничество с контрактами, поддельные руны, нелегальная торговля магическими услугами, стандартное дело: Инквизиция не хочет марать руки, Гильдия не хочет привлекать внимание, вы — идеальный вариант, тихо, быстро, без шума.

Элис посмотрела на папку, но не открыла её, а Пункт Четыре на столе перестал притворяться спящим и уставился на Кассия с тем особенным кошачьим подозрением, которое он обычно приберегал для грозовых туч и незнакомых собак.

— Это работа для стажёра, — сказала Элис, — а не для юриста третьего круга.

— Для юриста, которому я доверяю.

Элис подняла бровь, потому что слово «доверяю» Кассий произносил редко, за три года работы она слышала его дважды, первый раз, когда он предлагал ей должность, и второй раз сейчас, и оба раза после этого слова её жизнь менялась так, что вернуться к прежней было уже невозможно.

— Лорд Кассий, что в этой папке такого, что вам нужен не стажёр, а именно я?

Кассий молчал семь секунд, и Элис считала, всегда считала, потому что его паузы были информативнее слов: три секунды означали раздражение, пять — раздумье, а семь — что он собирается сказать нечто, что ему самому не нравится.

— В Серой Зоне, — произнёс он наконец, и его голос стал тише на полтона, — продают не просто поддельные контракты, там продают артефакты, старые, очень старые, из тех, что не должны существовать.

— Какие артефакты? — спросила Элис, не отрывая взгляда от белой папки.

— Я не знаю, и именно поэтому мне нужно, чтобы вы узнали, — ответил Кассий. — Найдите источник, задокументируйте, и если обнаружите что-то, не относящееся к контрактам, принесите мне лично, не фиксируя в отчёте.

Элис замерла, и Пункт Четыре тоже замер, перестав вылизываться, потому что даже кот чувствовал напряжение, повисшее в комнате, густое, как дым, и такое же удушливое.

— Не фиксируя в отчёте, — медленно повторила она. — Это нарушение статьи четырнадцать Кодекса Гильдии.

— Я знаю, — ответил Кассий без единой нотки смущения в голосе.

— И вы просите меня его нарушить.

— Я прошу вас хорошенько подумать, — сказал он, и в этой формулировке было больше приказа, чем в любом прямом повелении.

Кассий повернулся и пошёл к двери, но остановился на пороге, не оборачиваясь, и его тень легла на пол длинным серым клинком.

— Вы лучший разрыватель контрактов, которого я воспитал, Элис, — произнёс он в дверной проём. — Не подводите меня.

Дверь закрылась тихо, без стука, как и открылась, и температура в кабинете медленно вернулась к нормальной, хотя Пункт Четыре ещё долго не начинал мурчать, потому что он не мурчал, когда чувствовал тревогу, а сейчас он чувствовал её совершенно определённо.

Элис сидела, глядя на папку, белую, гладкую, без рун, без печатей, от которой слабо веяло холодом четвёртого магического уровня, холодом Кассия, и наконец открыла её: внутри лежали лист с адресом, названием таверны, именем информатора и одна строчка, написанная рукой Кассия, ровной, безупречной, с таким нажимом, словно он выводил не слова, а приговор: «Не лезьте глубже, чем нужно, но если уже залезли — не останавливайтесь».

Элис закрыла папку, допила отвратительный кофе, поморщилась и встала, сказав коту, что уходит и чтобы он не ждал, а Пункт Четыре в ответ зевнул, перевернулся на другой бок и закрыл глаза, и Элис взяла пиджак, очки и папку и вышла в коридор, направляясь к лестнице, которая вела вниз, в Нижний Ковенант.

Переход между Верхним и Нижним Ковенантом напоминал шрам на теле города: широкая каменная лестница, вырубленная прямо в скале, уходила вниз, в темноту, и с каждым шагом свет магических фонарей тускнел, а воздух становился гуще, плотнее, тяжелее, словно сама атмосфера сопротивлялась тому, чтобы кто-то спускался туда, куда спускаться не следовало, и пахло уже не чернилами и страхом, а ржавчиной, жареным мясом и чем-то сладковатым, демоническим, от чего хотелось зажать нос, но Элис не зажимала, потому что она здесь провела три года своей жизни, с семи до десяти лет, пока мать не стала Пустой и пока Гильдия не забрала её наверх, в мир чистых пергаментов и правильных контрактов, и память об этих трёх годах жила в ней до сих пор, в каждом вдохе, в каждом звуке, в каждом ощущении камня под пальцами, когда она, маленькая, цеплялась за перила, чтобы не упасть.

Элис не любила вспоминать мать, не потому что не любила её, любила, конечно, а потому что вспоминать Пустую было всё равно что смотреть в колодец без дна: ты видишь стены, видишь темноту внизу, но не видишь конца, и каждый раз, когда ты думаешь, что вот-вот нащупаешь дно, его не оказывается, и ты падаешь дальше, и дальше, и дальше, пока не забываешь, что вообще хотел найти; мать сидела в углу комнаты и не плакала, не смеялась, не чувствовала, не жила, контракт забрал у неё всё, эмоции, воспоминания, желание дышать, и оставил только оболочку, которая сидела и смотрела в стену, а Элис было семь, когда это случилось, и она запомнила не мать, а отсутствие матери, пустое место там, где раньше было тепло.

На середине лестницы её ждала Мира.

Демоница сидела на перилах, болтая ногами в стоптанных ботинках, и лениво жонглировала тремя медными монетами, а её тонкий чёрный хвост с кисточкой на конце покачивался в такт музыке, которая глухо доносилась из таверны где-то внизу, и Мира была красивой той самой опасной красотой, от которой хочется смотреть и одновременно не хочется подходить слишком близко: маленькие загнутые назад рога с царапиной на левом, память о драке трёхлетней давности, тёмная кожа с золотистыми веснушками, которые проступали ярче, когда Мира злилась, жёлтые глаза с вертикальными зрачками и улыбка, в которой было слишком много зубов, чтобы считать её дружелюбной.

— Элис Вайн! — Мира прыгнула с перил, приземлившись абсолютно бесшумно, и монеты исчезли в её карманах с ловкостью, которой позавидовал бы любой карманник. — Живая! Я уже начала скучать, три недели без тебя, три недели без моих любимых судебных разбирательств и без того, чтобы кто-нибудь объяснял мне, какую именно статью я нарушаю на этой неделе.

— Мира, — произнесла Элис тоном, не терпящим продолжения.

— Что? Я имею право скучать, ты мой любимый юрист, единственный, кто не пытается засадить меня в Клетку за работу без лицензии, — демоница оскалилась, но под взглядом Элис посерьёзнела. — Ах, дело. Идём: таверна «Ржавый Контракт», третий столик от входа, там сидит мой информатор, или сидел, по крайней мере, час назад.

Они пошли вниз, Мира впереди, Элис за ней, две фигуры в полумраке, одна с рогами, другая с очками, и каблук Элис отстукивали по камню дробный ритм, в то время как ботинки Миры не издавали ни единого звука, потому что демоны умели ходить тихо, а юристы — нет.

Нижний Ковенант открылся перед ними, как старая, плохо зашитая рана: узкие кривые улицы, освещённые не магическими фонарями, а самодельными лампами, которые коптели и мигали, вывески лавок, написанные от руки, криво и с ошибками, «Контракты дёшево», «Руны на заказ», «Снимаю проклятия. Гарантия. Ну, почти гарантия», и из приоткрытой двери мясной лавки тянуло кровью и дымом, а из подвала напротив доносился пьяный, хриплый, надрывный смех.

Люди здесь не носили рун на руках, по крайней мере, не все: некоторые, контракторы и мелкие маги, те, кто мог позволить себе лицензию, носили, но большинство просто жили, без магии, без контрактов, без защиты, жили так, как жили до Ковенанта Старшего, до Первого Контракта, до всей этой системы пунктов и статей, которая наверху называлась порядком, а внизу — клеткой, и Элис шла по этим улицам, чувствуя, как Нижний Ковенант узнаёт её, как старые стены запоминают её шаги, как тени в переулках провожают её взглядом.

— Сюда, — Мира свернула в переулок, потом ещё раз, потом ещё, и Элис потеряла счёт поворотам после четвёртого. — Таверна за углом, и не говори, что ты из Гильдии, не говори, что ты юрист, здесь это, мягко говоря, не любят.

— Я знаю, Мира, я знаю это дольше, чем ты, — пожала плечами Элис.

— Ты всегда знаешь, и это меня бесит, — проворчала демоница, толкая тяжёлую дубовую дверь.

Таверна «Ржавый Контракт» встретила их именно так, как Элис помнила: темнотой, шумом, запахом эля, жареного лука и чего-то, что лучше было не идентифицировать, липким от пролитого пива полом, закопчёнными стенами с выцарапанными рунами, не магическими, а просто каракулями, которые оставляли пьяные посетители, и гномом, который спал лицом в тарелке и тихо похрапывал за угловым столом.

Мира провела Элис к третьему столику, где сидел мужчина, худой, в капюшоне, с кружкой, из которой он явно не пил, потому что его пальцы, тонкие, с обкусанными ногтями, лежали на столе и мелко дрожали, и Элис сразу поняла, что это дрожь не от холода, а от страха, того особенного страха, который бывает у людей, слишком долго знавших слишком много.

— Это Вельхар, — сказала Мира. — Архивариус, бывший, работал в Гильдии ещё до Кассия, до реформы, знает всё, что было до Кодекса.

Мужчина поднял голову, и Элис увидела лицо, старое, морщинистое, с мутными глазами, в которых, однако, было что-то живое и пугающе видящее, глаза человека, который слишком долго смотрел в архивные свитки и однажды увидел там то, чего видеть не следовало.

— Мисс Вайн, — произнёс он голосом тихим, шелестящим, как старые пергаментные страницы. — Садитесь, потому что у нас мало времени и много того, что вам не понравится.

Элис села, Мира встала за её спиной, и Элис чувствовала, как демоница напряжена, плечи сведены, пальцы сжаты, а кисточка на кончике хвоста мелко подрагивает, потому что Мира не боялась почти ничего на свете, но сейчас боялась, и это пугало Элис больше всего.

— Что вы знаете о поддельных контрактах в Серой Зоне? — спросила Элис, доставая из кармана блокнот и ручку.

Вельхар усмехнулся устало, старчески, и его пальцы перестали дрожать, но сжались вокруг кружки так, что костяшки побелели.

— Поддельные контракты — это приманка, мисс Вайн: кто-то продаёт их, чтобы отвлечь внимание от того, что продают на самом деле.

— Что продают на самом деле? — спросила Элис, подаваясь вперёд.

Вельхар наклонился через стол, понизил голос до шёпота, и Элис пришлось наклониться тоже, и она почувствовала его запах, старая бумага, пыль, и под этим что-то горькое, как полынь, запах человека, который слишком долго хранил чужие секреты.

— Клетки, — прошептал Вельхар, и это слово в его устах прозвучало как приговор. — Запечатанные Клетки, из тех, что не должны существовать, из тех, что Ковенант Старший закрыл тысячу лет назад.

Элис замерла, её очки сползли на нос, но она не поправила их, потому что слово «Клетки» ударило её в солнечное сплетение, не больно, но перехватило дыхание, ведь Клетки были тем, что каждый ребёнок в Ковенанте знал с шести лет: семь тюрем для семи Древних Богов, которые восстали против мира, и Ковенант Старший, великий герой, запечатал их, спас мир, конец урока, следующая тема, не думай, не спрашивай, не лезь; но Вельхар произнёс это слово так, как произносят смертельный диагноз, не «Клетки», а Клетки, как будто они были живыми, голодными, ждущими.

— Вы уверены? — спросила Элис, чувствуя, как холод пополз по позвоночнику.

— Я видел одну три дня назад: принесли в лавку Грасса, да, того самого контрактора третьего круга, который работает на кого-то, но на кого именно, я не знаю, и Клетка была настоящая, я чувствовал. — Вельхар облизнул пересохшие губы, и его зрачки расширились. — Тысячу лет я работал в архиве, мисс Вайн, и я знаю, как пахнет Пустота.

Элис выпрямилась и посмотрела на Миру, которая не улыбалась совсем, впервые за весь день, полностью, окончательно, и её жёлтые глаза были неподвижны, зрачки сужены в тонкие вертикальные щели, как у кошки, которая увидела то, чего видеть не должна была.

— Элис, — сказала Мира тихо, без шуток, без зубов, — если это правда, если кто-то действительно торгует Клетками, это не мошенничество, это война.

Элис молчала, глядя на Вельхара, на его мутные видящие глаза, на его тонкие дрожащие руки, на кружку, из которой он не пил, потому что руки не слушались, и понимала, что стоит на пороге чего-то, из чего нет возврата, чего-то вроде двери, которую нельзя закрыть, стоит её один раз открыть.

— Покажите мне, — сказала Элис, и её голос прозвучал твёрже, чем она себя чувствовала.

Вельхар покачал головой так резко, словно его ударили.

— Не сегодня, не здесь, слишком много глаз. — Он мотнул подбородком в сторону зала, и Элис проследила за его взглядом: в углу, за колонной, сидел человек в сером плаще, который не пил, не ел и смотрел прямо на них. — Приходите завтра, ночью, я покажу, но только, мисс Вайн...

Он наклонился ещё ближе, и его дыхание коснулось её уха, горячее и прерывистое.

— Не открывайте то, что закрыто, потому что некоторые двери лучше не трогать.

Элис встала, положила на стол серебряную монету, не контракт, не сделку, просто благодарность, и металл звякнул о дерево, и Вельхар вздрогнул от этого звука, как от удара.

— Я юрист, Вельхар, — сказала она, глядя на него сверху вниз, из-под очков. — Я не открываю двери, я нахожу в них лазейки, и это гораздо опаснее.

Вельхар посмотрел на неё долгим взглядом, и на секунду его мутные глаза прояснились, и Элис увидела в них то, чего совсем не ожидала, жалость, не к ней, а к себе, к человеку, который стоит на пороге и знает, что за порогом, и всё равно не может удержать того, кто хочет шагнуть.

— Лазейки, — повторил он и усмехнулся тихо, устало. — Да, юристы всегда находят лазейки, даже в Клетках, и в этом ваша сила и ваша беда.

Элис вышла, Мира — за ней, и они поднимались по лестнице вверх, к свету, к воздуху, к чернилам и страху Верхнего Ковенанта, и с каждым шагом Нижний отступал, прятался, закрывался, как рана, которую зашили, но не вылечили.

Мира остановилась на середине лестницы.

— Элис, — окликнула демоница, не пуская её вперёд.

— Что ты хочешь сказать, Мира? — обернулась к ней Элис.

— Если ты в это полезешь, я с тобой, но я не обещаю, что не буду ругаться, много, громко и с демонами.

Элис посмотрела на неё и улыбнулась коротко, устало, но искренне, и Мира эту улыбку увидела, потому что у демонов зрение было острее человеческого, и они видели не только лицо, но и то, что пряталось за ним.

— Пункт семь, раздел один, — сказала Элис. — Мира не ругается в присутствии юриста.

— Пункт семь, раздел два, — оскалилась Мира. — Мира ругается всегда, даже в присутствии юриста, а особенно когда юрист лезет в Клетки.

Элис рассмеялась тихо, коротко, но рассмеялась, и этот смех был как глоток воздуха после долгого погружения, маленький, недостаточный, но живой.

Они поднялись наверх и разошлись: Мира — обратно в Нижний, в свою таверну, к своим демонам и ругательствам, а Элис — в Верхний, в свою квартиру, к Пункту Четыре, к остывшему кофе и к сорока трём делам, которые подождут, потому что сначала нужно было разобраться с тем, что ждало её дома.

Квартира Элис была маленькой, тридцать квадратных метров, которые она снимала на половину жалования юриста третьего круга, с кухней, совмещённой с гостиной, спальней за тонкой перегородкой, ванной, в которой едва помещалась сама ванна, и окном на восток, из которого открывался вид на Башню Гильдии, торчавшую над городом, как игла, вшитая в небо.

Пункт Четыре встретил её у двери, требовательно мяукнул и потёрся о щиколотку, и Элис насыпала ему корма в жестяную миску, а сама встала у окна, глядя на Башню, на огни, на тысячи контрактов, которые заключались прямо сейчас в этом городе, тысячи сделок, тысячи цепей, тысячи пунктов и статей, и тысячи людей, которые подписывали их, не глядя, потому что не умели читать, не знали, что где-то между строк всегда есть лазейка, дверь, которую кто-то забыл запереть.

Она достала папку Кассия, перечитала адрес, перечитала его строчку, «не лезьте глубже, чем нужно, но если уже залезли, не останавливайтесь», и закрыла папку, потому что слова Кассия были ясны и без повторного чтения: он знал больше, чем говорил, и это, как всегда, пугало её больше всего.

Элис налила себе чай, ромашку без сахара, потому что сахар заканчивался ещё на прошлой неделе, а в магазин она так и не сходила, выпила, поморщилась, и не от вкуса, а от мысли, которая не давала ей покоя с самого момента, когда Вельхар произнёс это слово: Клетки, запечатанные Клетки, из тех, что не должны существовать.

Она знала о Клетках, все знали, это была школьная программа, первый урок истории Ковенанта: Ковенант Старший, Великое Предательство, семь Древних Богов, восстание, запечатывание, героизм Первого Верховного Мага, конец урока, следующая тема, не думай, не спрашивай, не лезь; но Вельхар сказал: «Я знаю, как пахнет Пустота», а Пустота — это не история и не школьный урок, это то, что лежит за пределами мира, за пределами Контрактов, за пределами всего, что Элис знала, во что верила, на что опиралась, как на фундамент, и если кто-то торговал Клетками, если кто-то открывал их, значит, то, чего не должно существовать, хотело стать существующим, и это было хуже любой войны, потому что войну можно остановить, а то, что хочет стать реальным, — нельзя.

Элис тряхнула головой: нет, не сегодня, завтра, ночью, Вельхар покажет, а сегодня — чай, кот и тишина, сегодня она будет просто Элис, не юристом, не разрывателем контрактов, а просто женщиной, которая пьёт ромашку и смотрит в окно на огни Башни.

Она легла, Пункт Четыре запрыгнул на кровать, покрутился три раза, устроился в ногах и замурчал ровно, глубоко, как маленький пушистый мотор, и Элис закрыла глаза, но не заснула, потому что на правой ладони горело.

Она открыла глаза, подняла руку и посмотрела на внутреннюю сторону ладони, туда, где час назад пожимала руку Вельхару, где касалась папки Кассия, где брала монету в таверне, три касания, три точки соприкосновения с чем-то, чего она не понимала, и увидела руну, маленькую, тонкую, чёрную, как трещина в стекле, как царапину на поверхности мира, которой там не было раньше, Элис знала, она бы заметила, она всегда замечала, но теперь она была, и горела не жаром, а холодом, тем самым холодом, который веял от Кассия, холодом четвёртого уровня, Пустоты, холодом, который не грел и не обжигал, а просто был и ждал, как зверь, который знает, что добыча никуда не денется.

Элис села на кровати, и Пункт Четыре перестал мурчать, поднял голову, посмотрел на её ладонь, его зрачки расширились до предела, стали чёрными и бездонными, и он зашипел тихо, протяжно, тем особенным звуком, который Элис слышала от него только дважды, когда он видел грозу за окном и когда чувствовал, что в квартире кто-то чужой, а потом кот спрыгнул с кровати и забился под шкаф, откуда торчал только кончик рыжего хвоста.

— Пункт Четыре, — сказала Элис, и голос её дрогнул впервые за весь день. — Это просто руна, понимаешь, просто руна и ничего больше.

Кот не вышел, только хвост его дёрнулся и замер.

Руна горела тихо, терпеливо, как будто знала, что Элис будет смотреть, что не сможет отвести глаз, и Элис встала, подошла к столу, взяла свой дневник, потрёпанный, с обкусанными углами, потому что Пункт Четыре считал его своей личной игрушкой, открыла и записала ровным, мелким почерком, который не дрожал, потому что юристы не пишут дрожащим почерком, что сегодняшним числом на её правой ладони обнаружена руна неизвестного происхождения, симптомы которой выражаются холодом и пульсацией, не исчезающей со временем, а вероятной причиной её появления она считала контакт с информатором Вельхаром и возможную связь с Клетками.

Она закрыла дневник и посмотрела на ладонь, где руна пульсировала ровно, спокойно, в такт её собственному сердцу, словно они были связаны, словно руна была не на коже, а под ней, в крови, в кости, в том месте, где живёт то, что юристы называют внутренним голосом, а все остальные — совестью.

И тогда Элис услышала не ушами и не кожей, а где-то глубже, в том месте, где живёт интуиция, где живёт страх, где живёт то, что нельзя записать в дневник, зафиксировать в отчёте и оспорить в суде, вздох, тихий, усталый, живой и тысячелетний, как будто кто-то очень далеко и очень давно наконец-то выдохнул, как будто кто-то, кто держал дыхание тысячу лет, наконец-то позволил себе отпустить, не крик, не стон, не слово, а просто вздох, тихий, усталый, живой.

Элис стояла посреди комнаты в темноте, с горящей ладонью, с котом под шкафом, с сорока тремя нерешёнными делами на столе, с папкой Кассия на краю, с руной, пульсирующей в такт её сердцу, и думала о том, что же это такое, но руна не ответила, однако вздох повторился, глубже, ближе, живее, и Элис поняла, что не заснёт до рассвета, что, возможно, не заснёт и после рассвета, потому что что-то началось, что-то, для чего не было пункта, статьи, закона или контракта, что-то, что нельзя было задокументировать, зафиксировать и оспорить, что-то, что просто было, ждало и дышало.

Элис села на кровать, не легла, а именно села, и посмотрела на свою ладонь, и руна смотрела в ответ, а за окном Башня Гильдии светилась тысячей огней, тысячей контрактов, тысячей цепей, тысячей пунктов, статей, подписей и печатей, и на ладони Элис Вайн, юриста третьего круга, горела маленькая, тонкая, чёрная трещина, дверь, которую кто-то забыл запереть, и за этой дверью кто-то дышал.

## ГЛАВА 2

### ОШИБКА В ПУНКТЕ СЕМЬ

Элис Вайн спустилась в закрытый архив Гильдии Юристов задолго до того, как первые клерки начали разносить по кабинетам утренний кофе, потому что тишина подземных уровней оставалась единственным местом, где она могла слышать собственные мысли без примеси чужого страха и шуршания пергамента, а руна на её правой ладони, появившаяся накануне после встречи с информатором Вельхаром, пульсировала тусклым холодным светом, отдаваясь в висках глухой ноющей болью, которая не давала ей сомкнуть глаз всю ночь и заставила прийти сюда, в самое сердце гильдейских тайн, в поисках ответов, которых не существовало в официальных справочниках.

Винтовая лестница уводила её вниз тремя витками, и с каждым витком воздух становился холоднее и суше, а свет магических фонарей приобретал тот особенный голубоватый оттенок, который бывает только в местах, где время течёт медленнее, чем наверху, и где пыль лежит на полках нетронутыми слоями, как годовые кольца на срезе старого дерева. Первый уровень архива, общедоступный, встретил её ровными рядами подшитых кодексов и комментариев, которые она прошла не задерживаясь, потому что кодексы она знала наизусть, а комментарии к ним писали люди, боявшиеся сказать больше, чем позволяла должность; второй уровень, ограниченный, открылся ей после того, как она приложила ладонь к руне на двери и руна вспыхнула приветливым фиолетовым светом, признав её статус юриста Гильдии, и она прошла сквозь зал засекреченных дел, которые Гильдия не хотела показывать миру, но и не могла уничтожить, поскольку уничтожение документов нарушало пункт три Кодекса Архивного Хранения, а Гильдия не нарушала собственных законов — она их обходила, и Элис знала это лучше кого-либо, потому что обходить законы Гильдии было её работой.

Третий уровень не открылся. Дверь здесь была другой: без ручки, без замка, без петель, сплошной дубовой плитой, в центр которой была вплавлена руна старше самой Гильдии, потемневшая от времени и треснувшая посередине, как шрам, который не заживает, и когда Элис приложила к ней ладонь, руна осталась тёмной, а когда она надавила сильнее и произнесла формулу адвокатского доступа, руна молчала с тем спокойным равнодушием, с каким стена молчит в ответ на стук кулака, и Элис отступила на шаг, прислонилась плечом к холодному камню и начала думать, потому что думать было её единственным по-настоящему надёжным инструментом.

Замок — это тоже контракт, рассуждала она, глядя на трещину в руне, потому что любой замок есть договор между тем, кто его поставил, и тем, кто имеет право пройти, и у любого договора существует иерархия ключей: ключ хозяина, ключ слуги, ключ гостя, и если хозяйский ключ не подходит, юрист ищет тот пункт, в котором прописаны ключи гостя. Статья девять Кодекса Гильдии Юристов гласила, что адвокат, ведущий активное дело, имеет право на доступ к любым архивным материалам, имеющим отношение к этому делу, а активное дело у Элис имелось, подписанное самим Лордом Кассием, и ордер лежал в её внутреннем кармане, сложенный вчетверо, и она достала его, развернула, приложила к руне и произнесла вслух номер дела, потому что вслух — это протокол, а протокол в Гильдии весил больше, чем намерение.

Руна вспыхнула золотым, трещина на её поверхности на мгновение осветилась изнутри, и тяжёлые створки разошлись без единого звука, впуская Элис в круглый зал, пахнущий пылью, сухой гнилью и тем особенным металлическим привкусом Пустоты, который она научилась узнавать ещё в детстве, глядя в пустые глаза своей матери, и она переступила порог, чувствуя, как за спиной створки смыкаются с мягким вздохом механизма, который ждал этого визита гораздо дольше, чем она сама подозревала о его существовании.

Закрытый архив оказался мал: одна круглая комната с полками от пола до потолка, и на каждой полке лежали свитки в отдельных футлярах, запечатанных воском и молчанием, и Элис шла между полками медленно, читая корешки, названия, даты, и её пальцы скользили по футлярам с методичностью хирурга, вскрывающего грудную клетку, потому что она не читала всё подряд, а искала конкретную щель, конкретный пункт, конкретную строку, которая объяснила бы, почему руна на её ладони горит холодом четвёртого уровня, и эта строка нашлась на третьей полке от двери, в потемневшем от времени коконе из змеиной кожи, на котором выцветшими чернилами было выведено: «О Семи Клетках и Первом Контракте. Копия протокола запечатывания. Оригинал в хранилище Верховного Мага».

Она развернула хрупкий пергамент прямо на полке, не рискуя нести его к столу, и свет поднятого над головой фонаря лёг на мелкие, выцветшие буквы, выведенные рукой летописца тысячу лет назад, и с каждой прочитанной строкой холод в её груди становился всё более осязаемым, превращаясь из смутного предчувствия в неоспоримую, разрушительную истину, потому что свиток описывал семь условий, необходимых для разрушения Клетки, и каждое условие было сформулировано с той беспощадной точностью, с какой формулируют приговоры.

Первое условие требовало места, где граница между мирами истончена, и Элис сразу поняла, почему поддельные контракты продаются именно в Серой Зоне, в старых канализационных тоннелях, где сама кладка помнит времена до Первого Контракта; второе условие называло момент, когда луна стоит в зените, и она мысленно сверилась с календарём и почувствовала, как затылок сводит холодом, потому что луна войдёт в зенит этой же ночью, ближе к полуночи; третье условие требовало, чтобы открывающий знал истинное имя запечатанного, и эта строка показалась ей невыполнимой, пока она не вспомнила, что имена Семи Древних печатаются в школьных учебниках на третьей странице, и осознание того, что система сама, из поколения в поколение, вкладывала ключи в руки своих же детей, обрушилось на неё тяжелее всего остального.

Четвёртое условие говорило о крови, не любой, а конкретной, и пятое условие раскрывало, какой именно: кровь должна принадлежать тому, кто не принадлежит ни миру людей, ни миру духов, и Элис дочитала эту строку до конца только со второго раза, потому что с первой буквы расплылись перед глазами, и она стояла, вцепившись пальцами в край полки, и думала о матери, о Пустой, о женщине, которая сидела в углу комнаты и не плакала, не смеялась, не чувствовала, не жила, потому что контракт забрал у неё всё и оставил только оболочку, не принадлежащую ни царству живых, ни царству мёртвых, и эта проклятая, неправильная кровь текла теперь в жилах Элис, делая её идеальным ключом к замку, который весь мир считал неразрушимым.

Шестое условие оказалось самым страшным из всех, потому что оно гласило: кровь должна быть отдана добровольно, не пролита, не украдена, не вырвана, а именно отдана, и Элис, юрист до мозга костей, понимала это условие точнее любого мага в Ковенанте, потому что добровольность в праве означает согласие осознанное, информированное, данное тем, кто понимает цену, и она стояла посреди закрытого архива и честно признавалась себе, что не понимает цены и, вероятно, не поймёт её никогда, но седьмое условие уже тянуло её взгляд к последней строке свитка, и последняя строка гласила, что открывающий становится привязан к запечатанному нерушимым контрактом привязки четвёртого уровня, действующим до согласия обеих сторон на разрыв или до смерти одной из них.

Элис перечитала седьмой пункт трижды, и на третий раз увидела то, что заставило её сердце пропустить удар: пункт устанавливал факт привязки, срок её действия и условия разрыва, но нигде, ни в одной строке, ни в одной сноске, не было прописано, кто в этой привязке является хозяином, а кто — исполнителем, не было иерархической оговорки, без которой любой контракт превращается из цепи в договор между равными, и эта ошибка в пункте семь,

эта крошечная, почти незаметная щель в тексте тысячелетней давности, была единственной причиной, по которой Элис вдруг позволила себе вдохнуть полной грудью.

Она перенесла все семь пунктов в свой блокнот ровным почерком, сохраняя оригинальные формулировки, потому что юрист, который пересказывает документ своими словами, теряет право на него ссылаться, аккуратно свернула свиток, убрала его обратно в змеиный кокон, задвинула кокон на полку и долго стояла неподвижно, пытаясь осознать, что лазейка, которую она искала всю свою профессиональную жизнь, на этот раз оказалась не в чужом договоре, а в её собственном теле, в её происхождении и в том самом наследии, от которого она бежала с семи лет, и что единственная защита от этого наследства — ошибка составителя, допущенная тысячу лет назад человеком, который, вероятно, считал себя безупречным.

На крыльце Гильдии её ждал город, и утро уже вошло в полную силу: клерки спешили к Башне со стопками пергамента, торговцы у колонн расхваливали амулеты, и в этом привычном, шумном, живом потоке Элис заметила фигуру, которая не двигалась, и неподвижность среди всеобщей спешки бросалась в глаза, как бросается в глаза чёрная нитка на белой ткани: человек в сером плаще стоял через улицу, у мясного ряда, и смотрел не на торговцев, не на Башню, а прямо на крыльцо Гильдии, прямо на неё, и когда их взгляды пересеклись, человек не отвёл глаз, не смутился, не сделал вида, что рассматривает вывеску, а просто повернулся и растворился в толпе с той выученной плавностью, которая бывает только у тех, кто привык быть незаметным.

Элис не пошла за ним, потому что юристы не бегают за свидетелями по улицам, юристы готовят вопросы заранее, но холодок, пробежавший по спине, заставил её изменить план дня: вместо кабинета и сорока трёх дел она зашла в почтовую станцию на углу, отправила Мире короткую записку с назначенной встречей у замшелой стены ближе к полуночи и вернулась домой пешком, длинным путём, трижды меняя направление и дважды заходя в лавки, чтобы убедиться в отсутствии хвоста, и хвоста не было, и от этого было не легче, а тревожнее, потому что профессионалы хвоста не показывают.

Вечер она провела в сборах, которые выглядели со стороны нелепо: юрист третьего круга складывал в холщовую сумку фонарь, моток бинта, склянку с водой, запасные очки и ордер Кассия, как будто собирался не в канализационный тоннель, а на осаду крепости, и Пункт Четыре, наблюдавший за сборами с подоконника, дважды мяукнул тем тоном, который у котов означает решительное неодобрение хозяйских глупостей, и Элис, застёгивая сумку, вслух пообещала коту вернуться к утру, потому что обещания, данные вслух, юристы исполняют чаще, чем подписанные, и в этом парадоксе она честно призналась себе впервые.

Ближе к полуночи у замшелой стены, скрывавшей вход в старые канализационные тоннели Серой Зоны, её ждала Мира, и демоница выглядела непривычно напряжённой: хвост подёргивался, жёлтые глаза то и дело скользили по теням, а травинку она сегодня не жевала, что само по себе служило тревожным знаком, и вместо привычной ухмылки Мира встретила Элис коротким кивком и словами о том, что Вельхар не придёт, потому что с самого утра за стариком ходит человек в сером плаще и архивариус, переживший уже две чистки Гильдии, не рискнул вести за собой хвост к месту, о котором не должен знать никто, передав вместо себя салфетку с нарисованным от руки планом подземного зала, куда, по его наблюдениям, перенесли Клетку после лавки Грасса.

Они спустились в тоннели молча, и с каждым шагом воздух становился гуще, холоднее и неправильнее, и Элис чувствовала, как руна на ладони разгорается не жаром, а тем самым холодом четвёртого уровня, который она помнила по папке Кассия и по собственному детству, и чем глубже они уходили, тем отчётливее Мира сбивалась с развязной походки на осторожный, пружинистый шаг существа, готового в любой момент развернуться и драться, и один раз демоница остановилась на площадке между пролётами, положила ладонь на сырую кладку и сказала, не оборачиваясь, что снизу тянет выворачивающей душу магией, от которой её соб-

ственная демоническая суть сжимается, как уголь, на который плеснули водой, и что если Элис всё ещё хочет вернуться, то сейчас самое время.

Элис ответила, что возвращаться ей некуда, потому что руна на её ладони уже выбрала за неё, и Мира хмыкнула, и в этом хмыканье прозвучало что-то похожее на уважение, и они пошли дальше, и в конце последнего пролёта тоннель расширился в просторный круглый зал, в центре которого на алтаре из чёрного базальта стояла Клетка.

Она была меньше, чем Элис представляла по описаниям: сфера размером с человеческую голову, абсолютно чёрная, поглощающая свет факелов, закреплённых по кругу зала, и не отбрасывающая ни одной тени, и от неё веяло таким первобытным, доисторическим холодом, что у Элис мгновенно замёрзли кончики пальцев, а дыхание оседало на ресницах инеем, и зал вокруг этой сферы казался не помещением, а полостью внутри зуба мира, местом, которое реальность обошла стороной и постаралась забыть.

Она подошла ближе, повинувшись не здравому смыслу, а странному, почти гипнотическому притяжению руны на своей ладони, которая теперь горела так сильно, что кожа вокруг неё покрылась тонким слоем инея, и в десяти шагах от алтаря Элис внезапно и отчётливо поняла, что Клетка не тянет её и не зовёт, а спрашивает, задавая вопрос без слов, давлением за грудной, как задают вопрос протянутой в темноте ладонью, и что шестой пункт протокола, требующий добровольной крови, означает именно этот вопрос, на который можно ответить или не ответить навсегда.

Юристы подписывают документы, которые не дочитали, гораздо чаще, чем признаются в этом, но Элис Вайн за три года практики не поставила ни одной подписи, не зная, под чем именно она стоит, и сейчас, стоя перед чёрной сферой, она честно перечислила себе всё, что знала: кровь ключа течёт в её жилах, луна войдёт в зенит через считанные минуты, истинное имя она произнесёт, потому что его ей подарил школьный учебник, и привязка четвёртого уровня свяжет её с тем, кто выйдет, навсегда, если только ошибка в седьмом пункте не окажется тем, чем она её посчитала, и когда этот список был завершён, Элис подняла руку над алтарём и сказала вслух, в пустой зал, в лицо чёрной сфере, ту самую формулу осознанного согласия, которую произносят перед подписью под контрактом, цену которого понимаешь полностью: я понимаю риск и принимаю его.

Острый край базальта рассёк её ладонь в тот же миг, и она даже не почувствовала боли, потому что боль пришла позже, а сначала была капля: одна-единственная, тяжёлая, тёмная капля её крови сорвалась с рассечённой кожи и упала на безупречно гладкую чёрную поверхность, и в ту секунду, когда капля коснулась сферы, сквозь вентиляционный колодец высоко над залом ударил столб лунного света, лёгший точно на алтарь, и Элис поняла, что луна вошла в зенит, и что её ответ принят, и что обратного пути не существует с этого самого удара сердца.

Тишина зала взорвалась беззвучным криком, от которого у Миры подкосились ноги и она рухнула на колени, зажимая уши, а Клетка, тысячу лет остававшаяся монолитной, покрылась сетью тончайших трещин, светящихся пепельным светом, и трещины расползались по сфере со скоростью морозного узора по оконному стеклу, и сфера начала распадаться на осколки, которые не падали, а растворялись в воздухе, и изнутри хлынул поток густого серого тумана, пахнувшего озоном и древней пылью, и когда туман рассеялся, у алтаря стоял человек.

Он был высоким и невероятно худым, с длинными белыми волосами, падающими на плечи, и кожей, бледной, как лунный камень, и на его запястьях пульсировали чёрные руны-кандалы, вьёвшиеся в плоть за века заточения, и он стоял, слегка покачиваясь, как стоит человек, слишком долго пролежавший в постели и заново обучающийся держать собственный вес, и когда он поднял голову, Элис увидела его глаза: серые, без зрачков, бесконечные, как осеннее небо перед грозой, и в этих глазах не было ни ярости, ни жажды мести, а только бездонная, невыносимая усталость и глубокое, детское недоумение перед самим фактом собственного существования.

Привязка ударила её в грудь с силой кузнечного молота, не причинив физической боли, но навсегда сшив её ауру с аурой этого незнакомца невидимой, неразрывной нитью, и Элис, задыхаясь от чужого присутствия, хлынувшего в её голову, начала лихорадочно проговаривать вслух условия привязки четвёртого уровня, потому что юридическая терминология была единственным инструментом, который у неё имелся, и единственным способом не сойти с ума: связь автоматическая, неразрывная, срок действия до согласия обеих сторон на разрыв или до смерти одной из них, пределы физического удаления подлежат установлению опытным путём, иерархия сторон договором не определена.

Незнакомец сделал шаг от неё, инстинктивно, как отстраняются от огня, и упёрся ладонями в невидимую стену, отделившую его от мира на расстоянии ровно десяти метров, и посмотрел на свои руки, потом на стену, потом на Элис, и произнёс хриплым, давно не использовавшимся голосом, что она говорит как живой контракт, на что Элис, поправляя съехавшие на кончик носа очки, ответила, что она юрист и что это её работа — находить ошибки в чужих пунктах, даже если эти пункты написаны на самой ткани реальности.

— Азрэль, — сказал он после долгой паузы, пробуя слово на вкус, как пробуют языком расшатанный зуб. — Так меня называли. Я не уверен, что это имя всё ещё моё, но других у меня не осталось.

— Азрэль, Первый из Семи, — подтвердила Элис, и в этот момент сообразила, что третье условие протокола исполнилось само собой, потому что истинное имя запечатанного ей подарил школьный учебник, напечатанный победителями, и эта мысль оказалась страшнее всего, что она увидела в зале.

Мира, поднявшаяся с колен и отряхнувшая пыль с коленей своих штанов, заявила голосом, в котором впервые за десять лет их знакомства не было ни капли иронии, что вытаскивать их отсюда она будет сама, но с завтрашнего дня пьёт только лучшее вино и только за счёт Элис, потому что то, что она сегодня увидела, не оплачивается и не разведывается, и Элис молча кивнула, потому что спорить с этим утверждением не имело ни малейшего смысла.

Обратный путь вверх прошёл в гробовом молчании, нарушаемом только тихой, витиеватой бранью Миры, шедшей в арьергарде и обещавшей Элис все круги ада за то, что та притащила в её город древнее божество, даже не удосужившись прочитать инструкцию по технике безопасности, и один раз, на крутом пролёте, Азрэль пошатнулся, и Элис, не раздумывая, подставила плечо, и он оперся на неё с той осторожностью, с какой опираются на лёд, не уверенный в его толщине, и в этот момент она впервые почувствовала, каким лёгким оказалось его тело после тысячелетнего заточения, лёгким до неправдоподобия, до страха.

Когда они выбрались из люка в ночные переулки Серой Зоны, Азрэль остановился посреди мостовой, запрокинул голову и начал смотреть на небо, на редкие звёзды, пробивающиеся сквозь смог, на светящиеся вывески таверн, на руны контрактов, мерцающие на запястьях редких прохожих, и в его взгляде было столько растерянности и тихой скорби, что Элис почувствовала, как через связывающую их нить передаётся эмоция, похожая на горе человека, вернувшегося домой и обнаружившего, что его дом сгорел дотла, а на пепелище чужие люди построили чужие жизни.

Он назвал этот новый мир клеткой из бумаги, сотканной из бесконечных обязательств, печатей и мелких сделок, которыми люди добровольно опутывали себя, меняя свободу на иллюзию безопасности, и Элис не стала с ним спорить, потому что как юрист она знала цену этой бумаги лучше, чем кто-либо другой, и знала, что иногда эта бумага спасала жизни, а иногда ломала их с тем же бесстрастным хрустом, с каким рвут старый пергамент, и она только сказала, что для неё эта бумага является не клеткой, а работой, и Азрэль переспросил, добровольной ли, и она честно ответила, что не всегда, и он кивнул с таким видом, будто этот ответ устроил его больше любой клятвы.

Мира оставила их у входа в её подъезд, взяв с Элис слово, что завтра они обсудят случившееся за кружкой лучшего эля в «Ржавом Контракте», и исчезла в темноте переулков с ловкостью существа, для которого ночь была не временем суток, а родиной, и Элис с Азрэлем поднялись по лестнице на седьмой этаж молча, и на площадке он задержался у мерцающей электрической лампы в подъезде, спросив, какой дух молнии заточён в этом стеклянном пузыре, и Элис пообещала объяснить завтра, потому что сегодня у неё не осталось сил объяснять даже себе, как устроен мир, в котором она умудрилась подписать контракт четвёртого уровня собственной кровью.

В её маленькой квартире на седьмом этаже Азрэль вёл себя с той же осторожной, почти благоговейной неуверенностью, с какой ведут себя в музее, боясь случайно задеть экспонат: он долго рассматривал электрический чайник, спросив, какого духа воды требует этот металлический сосуд, и холодильник, который он открыл, подставил ладонь под холод и закрыл, назвав зимним ящиком, и водопроводный кран, под струёй которого он держал руку так долго, что Элис забеспокоилась, и на её осторожный вопрос он ответил, что пытается понять, в какой реке заточена эта вода и знает ли река о своём заточении.

Когда она налила ему кружку ромашкового чая без сахара, потому что сахар закончился ещё на прошлой неделе, он принял её обеими ладонями, как принимают священный артефакт, требующий немедленной благодарности и вечного хранения, и сделал первый глоток очень осторожно, и не поморщился, а закрыл глаза и сказал, что тепло, которое не обжигает, он забыл отнести к вещам возможным, и Элис, отвернувшись к раковине, позволила себе улыбнуться в полотенце, потому что улыбаться в лицо существу, которое тысячу лет не пило тёплого, было бы невежливо.

Рыжий кот Пункт Четыре, презиравший всех гостей без исключения, сначала забился под шкаф и шипел оттуда добрую минуту, но потом вылез, подошёл к Богу Разрушения, ткнулся мокрой носовой мочкой в его ладонь и, устроившись у него на коленях, начал громко мурлыкать, и Азрэль, тысячелетиями знавший только ненависть, страх и холод Пустоты, замер, а затем несмело, кончиками пальцев, начал гладить зверя, словно боясь, что тот рассыплется в прах от одного прикосновения, и Элис, глядя на эту сцену из-за перегородки, записала в дневник ровным почерком, не дрожащим, потому что даже страх не имеет права портить документ, что объект не проявляет агрессии, не помнит своего прошлого, реагирует на бытовые предметы любопытством, а не ужасом, что привязка удерживает стороны на расстоянии десяти метров и что пункт семь условий освобождения содержит ошибку, которую она намерена изучить, поскольку контракт, связывающий открывшего и открытого, не определяет, кто из них хозяин, а контракт без иерархической оговорки является договором равных.

Предложенную постель Азрэль вежливо отклонил, сказав, что выпался на тысячу лет вперёд и на тысячу лет назад, и сел у окна, положив руки на колени ладонями вверх, и Элис, улегшись за перегородкой, долго слушала, как за стеной город дышит огнями Башни, и как в её кухне неподвижно сидит существо, которое эту Башню сейчас рассматривает, и руна на её ладони впервые с момента появления не горела холодом, а была тёплой, и вздох, который она услышала прошлой ночью, больше не доносился издали, потому что дышавший за дверью, которую кто-то забыл запереть, теперь дышал в её кухне, держал обеими ладонями кружку ромашки без сахара и учился заново тому, что мир, оказывается, всё ещё существует, и что в этом мире есть окна, и коты, и тепло, которое не обжигает.

## ГЛАВА 3

### ДЕСЯТЬ МЕТРОВ

Элис проснулась от тишины, которая была гуще и плотнее обычного, потому что в квартире на седьмом этаже, где она жила последние четыре года, никогда не бывало по-настоящему тихо: за стеной храпел сосед, под окном гудела вентиляция пекарни, а Пункт Четыре ровно в шесть утра начинал требовательно орать, выпрашивая корм, и если кот молчал, значит, в мире что-то случилось, и Элис лежала несколько секунд, прислушиваясь к собственному дыханию, пока не осознала, что тишина вокруг неё не пустая, а заполненная, потому что за тонкой перегородкой гостиной мерно и спокойно дышал Азрэль, и это чужое дыхание вплеталось в привычный гул квартиры, как новая нота вплетается в мелодию, которую слушаешь так долго, что перестаёшь замечать, пока кто-то не сыграет её отдельно.

Привязка в груди пульсировала ровно, тепло, без боли, и Элис поймала себя на том, что прислушивается к ней, как прислушиваются к далёкому радио, настроенному на волну, которую не выбирали, но которую уже не могут выключить, и она откинула одеяло, сунула ноги в холодные тапочки и вышла в гостиную, где застыла на пороге, потому что Азрэль сидел на диване в той же самой позе, в которой она оставила его вчера вечером, когда пошла спать: спина идеально прямая, руки лежат на коленях ладонями вверх, белые волосы рассыпаны по плечам, а серые глаза без зрачков неотрывно смотрят в окно, за которым занимался бледный рассвет и первые лучи солнца касались верхушки Башни Гильдии, окрашивая белый камень в нежно-розовый цвет, и со стороны эта картина выглядела как икона, написанная рукой мастера, который никогда не видел живых людей и рисовал их по описанию.

— Доброе утро, — произнесла Элис, и это прозвучало нелепо, потому что какие могут быть утренние приветствия с существом, которое тысячу лет провело в Клетке и, вероятно, не имеет ни малейшего представления о том, что такое утро, что такое приветствие и зачем люди обмениваются словами, которые ничего не значат, но делают одиночество чуть более выносимым.

Азрэль медленно повернул голову, посмотрел на неё своими нездешними глазами и спросил с абсолютно серьёзным выражением лица, без тени иронии или подтекста, что такое «доброе утро», и Элис застыла с кастрюлей в руках, потому что вопрос был задан так искренне, что ей потребовалось несколько секунд, чтобы сформулировать ответ, и она поймала себя на том, что объясняет очевидные вещи с той же тщательностью, с какой объясняла клиенту пункт контракта, написанный на забытом диалекте.

— Это приветствие, которое люди говорят друг другу, когда солнце поднимается над горизонтом, — сказала она наконец, ставя кастрюлю на плиту. — Оно означает, что ты желаешь собеседнику хорошего начала дня, и ничего сложного в нём нет, просто слова, которые делают утро чуть менее одиноким.

Азрэль молчал долго, переваривая услышанное с той медлительностью, которая свойственна существам, привыкшим измерять время не минутами, а столетиями, и Элис видела, как что-то неуловимо меняется в его лице, не эмоция, нет, а что-то более глубокое и болезненное, похожее на медленное осознание утраты, которую невозможно вернуть, и когда он заговорил, голос его был тихим и сухим, как голос человека, читающего запись в архивном свитке о собственной жизни.

— Никто не желал мне добра, — произнёс он. — Тысячу лет ни один голос не сказал мне ни одного слова, только тишина и темнота, и я успел забыть, что слова могут быть обращены ко мне, а не произнесены надо мной.

Элис не нашлась, что ответить на это, потому что любые слова утешения прозвучали бы фальшиво и неуместно, поэтому она просто достала две кружки из шкафа, насыпала ромашку

без сахара и поставила одну кружку рядом с ним на стол, не перед ним, а именно рядом, на расстоянии вытянутой руки, как приглашение, которое можно принять или отвергнуть, и Азрэль посмотрел на кружку так, как смотрят на поданный в суде документ, подлинность которого ещё предстоит установить.

— Первое, что мы сделаем сегодня, — сказала она, усаживаясь напротив и обхватывая горячую кружку обеими ладонями, — это протестируем привязку, потому что мне нужно понять, как именно она работает, где её границы и существуют ли в ней лазейки, через которые можно хотя бы ослабить связь, если не разорвать её полностью.

Азрэль произнёс слово «лазейки» с таким выражением, будто пробовал его на язык впервые в жизни, и в его голосе послышалось что-то отдалённо напоминающее интерес, и Элис пояснила, делая глоток обжигающего чая, что лазейка — это ошибка в контракте, щель в формулировке, недочёт, который можно оспорить или обойти, и что если они хотят разобраться с привязкой, то должны сначала понять, как она устроена изнутри.

— А потом обойти, — повторил Азрэль, и это прозвучало не как вопрос, а как обещание, данное самому себе.

— А потом посмотреть, что можно сделать, — согласилась Элис, поднимаясь. — Пей чай, он остывает, а потом одевайся: юристы проводят эксперименты по плану, а не по вдохновению.

Тестирование началось в девять утра, когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы можно было выйти на крышу без риска привлечь внимание любопытных соседей, и Элис надела свой неизменный чёрный пиджак с серебряными рунами на рукавах, собрала волосы в тугий пучок и водрузила на нос очки, потому что без очков чувствовала себя незащищённой, как солдат без оружия, а Азрэль накинул на голову капюшон, который она отыскала в глубине шкафа среди старых плащей, и они поднялись по скрипучей лестнице на плоскую крышу, откуда открывался вид на весь Верхний Ковенант: Башня Гильдии, Суд Магов, Академия Контрактов, тысячи крыш, под которыми жили тысячи людей, связанных тысячами контрактов, и ни один из этих людей не подозревал, что на крыше дома номер семь по улице Каменных Фонарей сейчас будут измерять расстояние между юристом и богом.

— Сейчас будем измерять расстояние, — сказала Элис, доставая из кармана блокнот и ручку. — Я буду отходить от тебя, а ты стой на месте, я записываю каждый метр и свои ощущения, и если становится больно или неприятно, говори сразу, не терпи, потому что юристы, которые терпят боль молча, потом не могут дать показания.

Азрэль кивнул, и Элис сделала первый шаг назад, пристально следя за своими ощущениями и за той тонкой серебряной нитью в груди, которая связывала её с этим странным существом, и первый метр не принёс ничего: привязка молчала, нить оставалась свободной и ослабленной, как леска на удочке, когда рыба не клюёт, и второй, третий, четвёртый и пятый метры прошли так же спокойно, только лёгкое, почти неощутимое тепло в груди, похожее на тепло кружки чая в холодный вечер, напоминало ей, что связь существует.

Элис записывала каждый шаг, каждый метр, каждое ощущение, потому что юристы документируют всё без исключения: без документации нет доказательств, без доказательств нет дела, а без дела нет лазейки, и на шестом метре нить начала натягиваться, не больно, но ощутимо, как если бы кто-то привязал к её груди тонкую резиновую ленту и начал медленно, неумолимо тянуть, на восьмом метре натяжение стало отчётливым, на девятом — неприятным, и она остановилась, чтобы вывести в блокноте ровную строку: «Девять метров: нить натянута, ощущается физически, движение возможно, но с нарастающим сопротивлением».

Десятый метр оказался границей: она сделала ещё один шаг, и мир ударил её в плечо не физически, не магически, а как-то иначе, как если бы она на полном ходу врезалась в невидимую стеклянную стену, которую нельзя было ни увидеть, ни потрогать, но которая существовала абсолютно реально и непреклонно, и Элис отшатнулась, в груди дёрнулось, нить рванулась, и по ней прошла волна боли, не сильной, но отчётливой, как укол иглой прямо в сердце.

Азрэль дёрнулся одновременно с ней, и она видела это по тому, как сжались его кулаки, как вспыхнули чёрные руны-кандалы на запястьях, как он шагнул вперёд, к ней, к нити, к той невидимой границе, которая не пускала его дальше десяти метров от неё, и когда боль отпустила, Элис потёрла грудь и спросила, больно ли ему, и он ответил «да» с таким удивлением, словно впервые обнаружил, что его тело ещё способно что-то чувствовать.

— Мне тоже, — сказала она, делая пометку. — Значит, десять метров — это жёсткий предел, за который мы не можем выйти без последствий для обоих, и это первое условие привязки, которое мы задокументировали.

Они стояли друг напротив друга, разделённые десятью метрами пустого пространства крыши, и между ними пульсировала нить, натянутая, живая, тёплая, и Элис чувствовала, как бьётся его сердце, и знала, что он чувствует, как бьётся её, и это было странное, интимное, пугающее знание, к которому она не была готова, потому что в её профессии чужое сердцебиение обычно слышишь только тогда, когда проверяешь, жив ли клиент после подписания кабального договора.

— Теперь проверим агрессию, — сказала Элис, подходя ближе, туда, где боль стихала. — Попробуй ударить меня, только попробуй, не вкладывай силу, мне нужен сам факт попытки.

Азрэль посмотрел на неё с тем самым выражением детского недоумения, которое уже начало её умилять, хотя она никогда бы в этом не призналась, и медленно произнёс, что она хочет, чтобы он ударил её, и Элис ответила, что хочет проверить, что произойдёт, потому что это эксперимент, а эксперименту нужны результаты, а не мнения.

Азрэль поднял руку медленно, осторожно, как существо, которое тысячу лет не поднимало руку на другого и давно забыло, как это делается, и его ладонь остановилась в десяти сантиметрах от щеки Элис и застыла в воздухе, потому что руны на запястьях вспыхнули ослепительно ярко, и его тело сковал полный паралич: рука не могла двигаться вперёд, пальцы не могли сжаться в кулак, вся его воля разбивалась о невидимый барьер, который был сильнее его самого, и когда он отдёрнул руку и отступил на шаг, в его взгляде было удивление и тихий, глухой гнев, в котором не было злобы, только горечь существа, обнаружившего, что даже собственное тело ему не принадлежит.

— Контракт блокирует агрессию исполнителя по отношению к заклинателю, — произнесла Элис, записывая в блокнот ровным почерком. — Автоматический паралич при попытке, не зависящий от воли, и это значит, что ты не сможешь причинить мне вред, даже если очень захочешь.

— А если кто-то другой захочет причинить вред тебе? — спросил Азрэль, и в его голосе было что-то новое, чего она раньше не слышала, какая-то напряжённая, сосредоточенная нотка существа, которое внезапно поняло, что у его несвободы есть вторая сторона.

— Тогда, согласно условиям привязки, ты обязан меня защитить.

— А если я не захочу защищать?

— Контракт не спрашивает, хочешь ты или нет, потому что контракт существует независимо от твоих желаний, — ответила Элис, и только потом, увидев, как он смотрит на неё, добавила тише: — По крайней мере, так написано в любом договоре, который я читала.

Азрэль молчал, глядя на неё своими серыми, нездешними глазами, и в этих глазах было что-то, чего она не могла прочесть и не пыталась, потому что некоторые вещи не читаются, а только чувствуются, и наконец он произнёс тихо, что защищать её он будет не только по контракту, и Элис подняла голову от блокнота, переспросила, что он имеет в виду, и он ответил, что если кто-то нападёт на неё, то он защитит не потому, что так написано, а потому, что хочет, и она записала это в блокнот не дрожащим почерком, потому что юристы не пишут дрожащим почерком, даже когда внутри у них что-то переворачивается: «Защита заклинателя обязательна по контракту, однако мотивация исполнителя включает личное решение, не прописанное в условиях, что является исключением, требующим наблюдения».

Днём Элис пришлось появиться в Гильдии, потому что дело о Серой Зоне требовало промежуточного отчёта, и отсутствие отчёта в назначенный день означало бы нарушение процедуры, а нарушение процедуры означало бы внимание, которого она сейчас боялась больше всего, и поэтому Азрэль, накинув капюшон, сел за столик дешёвого кафе через улицу напротив входа в Башню, на расстоянии ровно девяти с половиной метров от её кабинета на втором этаже, и Элис, поднимаясь по лестнице, видела в окно, как он сидит неподвижно среди светлых посетителей, как официантка трижды подходит к нему и трижды уходит ни с чем, потому что он не заказывает ничего, не зная, что здесь принято заказывать, и эта картина была одновременно нелепой и трогательной, как бог, ожидающий у раздевалки.

На входе охранная руна-сканер мигнула дважды, и охранник нахмурился, потому что прибор показал двойную сигнатуру там, где перед ним стоял один человек, и Элис, не моргнув, назвала номер дела семь-четыре-один-три и сослалась на остаточный след артефакта четвёртого уровня, зафиксированный в материалах расследования, и охранник, поколебавшись, пропустил её, потому что спорить с юристом, у которого в руках папка с номером дела, подписанным Лордом Кассием, не входило в его должностные инструкции, и Элис прошла через холл с бьющимся сердцем, понимая, что только что впервые в жизни солгала при исполнении, и что эта ложь была первой ступенькой лестницы, вниз по которой она уже начала спускаться.

Отчёт она составила за сорок минут, тщательно перечислив поддельные контракты, фальшивые руны и нелегальную торговлю магическими услугами и ни единым словом не упомянув ни Клетку, ни освобождение, ни привязку, и когда она ставила подпись под документом, рука её была ровной, а внутри что-то скрипело, как скрипит половица под ногой человека, который крадётся из собственного дома, и она понимала, что этот отчёт — не бумага, а дверь, которую она сама закрыла между собой и Гильдией, и что обратно эта дверь уже не откроется.

Вечером, когда солнце село за Башню Гильдии и город погрузился в синеватые сумерки, на столе зазвонил телефон, старый, проводной, с потрескавшейся трубкой, который Элис не любила, потому что он всегда звонил в самое неподходящее время и приносил самые неподходящие новости, и она взяла трубку и услышала голос Кассия, ровный, вежливый, холодный, как зимний ветер, просачивающийся сквозь щели в оконной раме.

— Мисс Вайн, как прошло расследование, Серая Зона, поддельные контракты, артефакты, есть результаты? — спросил он, и Элис посмотрела на Азрэля, который стоял у окна, глядя на ночной город, и ответила, тщательно контролируя каждое слово, что ничего существенного не нашла, поддельные контракты мелкие и незначительные, ничего четвёртого уровня, ничего запечатанного, ничего опасного.

Пауза тянулась три секунды, потом пять, потом семь, и Элис считала, потому что паузы Кассия всегда были информативнее его слов: три секунды означали раздражение, пять — раздумье, семь — то, что он собирается сказать, ему самому не нравится.

— Элис, — произнёс Кассий, и в его голосе не было ни гнева, ни угрозы, только та холодная, хирургическая точность, которая пугала её больше всего на свете. — Руна активировалась, я чувствую её след на тебе, на твоей ладони, на твоей крови, на твоей привязке, четвёртый уровень, Пустота, Клетка, кто-то открыл, кто-то вышел, и этот кто-то находится рядом с тобой прямо сейчас, в эту самую минуту.

Элис не ответила, а Азрэль повернулся от окна и посмотрел на неё спокойно, без паники, без страха, и в этом взгляде было понимание: он знал, что этот момент настанет, и был к нему готов лучше, чем она, потому что за тысячу лет научился готовиться к худшему как к единственному надёжному собеседнику.

— Не лги мне, Элис, — продолжил Кассий, и его голос стал тише, что было хуже любого крика. — Я знаю, что ты нашла, я знаю, что ты открыла, принеси его мне завтра, лично, не фиксируя в отчёте, и это не просьба и не приказ, это совет от того, кто тебя воспитал.

— Я подумаю над вашим советом, Лорд Кассий, и подумаю хорошенько, — ответила Элис, и голос её не дрогнул, потому что дрогнуть сейчас означало проиграть всё, не выходя из собственной кухни.

Она повесила трубку и долго стояла, глядя на аппарат, как на гремучую змею, которая может укусить в любой момент, и Азрэль подошёл ближе и сказал, что Кассий знает, а она возразила, что он лишь подозревает и что это разные вещи, но Азрэль покачал головой и объяснил, что чувствует магию Кассия через привязку, что тот следит за ней не через трубку и не через стены, а через нить, которая их связывает, и чувствует то же, что чувствует он сам, и Элис села на стул, потому что ноги вдруг стали ватными, и посмотрела на свои руки, на правую ладонь, где пульсировала руна, на пальцы, которые ещё помнили тепло трубки.

— Тогда мы не идём к нему, — сказала она, и голос её был твёрдым, несмотря на ватные ноги. — Мы не приносим тебя ни ему, ни кому-либо другому, мы работаем тихо, быстро, без шума, находим лазейку в привязке, находим ошибку в контракте, находим то, что можно оспорить, и используем это для себя, для тебя, для того, чтобы ты был свободен.

Азрэль смотрел на неё долго, и в его серых глазах было что-то, что очень походило на благодарность, хотя он, скорее всего, не знал, что это такое, и он повторил её слова, как повторяют присягу: они не идут к нему, они работают для себя, для свободы, и Элис открыла блокнот и записала ровным почерком, что сегодня Кассий потребовал выдать Азрэля без отчёта и что она отказалась, что отказ этот зафиксирован не в официальном документе, а в личном дневнике, и что с этого дня у неё два работодателя: Гильдия, которой она платит отчётами, и правда, которой она платит молчанием.

Она посмотрела в окно, где Башня Гильдии светилась тысячей огней, и подумала, что где-то там, за одним из этих огней, сидит Кассий и думает, как её сломать, а здесь, в тридцати квадратных метрах, на седьмом этаже, сидит Бог Разрушения, гладит рыжего кота и пьёт ромашку без сахара, и это, как ни странно, было началом чего-то, для чего в Кодексе Гильдии Юристов не существовало ни одной статьи.

## ГЛАВА 4

### КВАРТИРА ДЛЯ БОГА

Элис проснулась от грохота, который мог бы разбудить мёртвого, и первые две секунды лежала неподвижно, пытаясь понять, не снится ли ей это, потому что звук был металлический, мокрый и совершенно неуместный для семи утра в квартире на седьмом этаже, где даже сосед за стеной храпел прилично, с паузами. Потом до неё дошло, что грохот доносится из кухни, и она вспомнила, что в кухне находится существо, которому тысяча лет и которое вчера весь вечер с подозрением изучало электрический чайник, и сердце её ухнуло вниз с той скоростью, с которой падают дела, проигранные в первую минуту слушания.

Она натянула халат, сунула ноги в холодные тапочки и вышла в гостиную, где застыла на пороге, потому что картина, открывшаяся её глазам, не поддавалась никакому юридическому описанию и не вписывалась ни в один прецедент из её практики. Азрэль стоял посреди лужи, которая ещё минуту назад была содержимым электрического чайника, и смотрел на свои мокрые руки с выражением глубочайшего недоумения, как ребёнок, который впервые в жизни уронил стакан и не понимает, почему вода не возвращается обратно в стекло. На полу валялись осколки пластика и металла — всё, что осталось от чайника, купленного три месяца назад за пятнадцать монет на распродаже у Башни и теперь выглядевшего так, будто его прожевал и выплюнул очень сердитый дракон, — а провод торчал из стены, искря и потрескивая, и Пункт Четыре сидел на холодильнике и смотрел на происходящее с тем особым кошачьим презрением, которое означает: я вас всех предупреждал, но вы, как обычно, не слушали.

— Что ты сделал? — спросила Элис голосом ровным и спокойным, потому что юристы не кричат, даже когда их чайник взрывается в семь утра.

— Я призвал духа воды, — ответил Азрэль, и в его голосе было искреннее недоумение человека, который не понимает, почему очевидная вещь не сработала. — Дух воды должен был нагреть воду, это стандартный контракт первого уровня, я поблагодарил духа, но дух не ответил и не пришёл, и сосуд разорвался от собственного бессилия.

Элис закрыла глаза, вдохнула, выдохнула и открыла их снова, потому что если бы она начала кричать прямо сейчас, то остановилась бы не раньше, чем через полчаса, а у неё было сорок три дела в очереди и бог на кухне, и она не могла позволить себе роскошь истерики ни по одному из этих пунктов.

— Это электрический чайник, — сказала она, стараясь, чтобы каждое слово звучало отдельно и понятно, как если бы она объясняла статью Кодекса пятилетнему ребёнку. — Здесь нет духов и нет контрактов первого уровня, здесь есть провод, по которому течёт ток, и нагревательный элемент, который превращает электричество в тепло: ты нажимаешь кнопку, вода греется, и никаких благодарностей эта схема не требует.

Азрэль посмотрел на провод, торчащий из стены, потом на Элис, потом снова на провод, как если бы ожидал, что из него вот-вот вылетит разгневанный дух молнии и потребует извинений за невежливое обращение, и Элис увидела, как его рука потянулась к стене, и метнулась вперёд, перехватывая его запястье на полпути, потому что если бы он сунул палец в розетку, то двести двадцать вольт стали бы его последним воспоминанием о современном мире, а она не хотела, чтобы последним воспоминанием тысячелетнего существа стала розетка в её квартире.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.